

ЗА ЧЕРТУ ПРИВЫЧНОГО

В БЕЛОМ ЗАЛЕ Вильнюсского дворца раб-ботников искусств народный артист СССР Регимантас Адомайтис читал «Скучную историю» Чехова. Читал без специального освещения, реквизита, отказываясь от жеста, полагаясь лишь на собственный голос, на интонацию, чуждую любых мелодраматических эффектов, по-мужски сдержанную и все-таки интимно-исповедальную.

То, что для своего дебюта в качестве чтеца Р. Адомайтис избрал именно «Скучную историю» с ее мудростью и болью, то, что в чтении с особой остротой прозвучала мысль о невосполнимой ценности каждого уходящего мгновения жизни, страх перед вездесущей обесценивающей суетой, наверное, не было случайным. Адомайтис пришел к высокому мастерству и признанию, играя роли героико-романтического плана. Таков его великий литовский князь Миндаугас в одноименном спектакле Литовского академического театра драмы, Донатас в фильме В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать», Сергей Лазо в молдавской киноленте, латиноамериканские революционеры Франциско и Орландо в политических лентах того же В. Жалакявичюса «Это сладкое слово — свобода!» и «Кентавры». Или же такие, в которых на виток трагического восходят само зло, разросшийся человеческий эгоизм (тут уместно вспомнить его Эдмонда в «Короле Лире» Г. Козинцева, Ибсеновского Юна Габриэля Боркмана в одноименном спектакле).

И вдруг актер, обладающий, казалось бы, устойчивым и устойчивым «имиджем», сам сознательно его ломает, обращаясь к жесткой интимности Чехова. Оправившись от неожиданности, начинаешь улавливать в этом поступке некоторую закономерность.

В последнее время много говорится о зависимом положении актеров. Думается, тут вряд ли что-то исправит административными мерами. Мне кажется, драматизм изначально заложен в основы актерской профессии, и горе той «порхающей» знаменитости, что на вершине славы продолжает бездумно «стричь купоны» с былых свершений. История «литовской актерской школы», гремевшей в 60-е годы, уже знает не один пример быстрой утраты популярности и мастерства.

Первая профессия Р. Адомайтиса — физик. У него аналитический склад ума и в отличие от многих коллег, даже лелеющих собственную «непосредственность», широкая эрудиция. Достигнут тот уровень, когда бы играть ему Шекспира и Достоевского, когда бы и литовским драматургам не грех писать специально «на Адомайтиса». Ан нет: новейшая из упомянутых значительных ролей датирована 1981 годом, а ежедневный вакуум чреват бывает серьезными потерями.

Знакомая ситуация: с одной стороны, вроде бы грех жаловаться, что ролей нет, а с другой — большинство их вызывает горечь за столь расточительно используемые актерские ресурсы. А причины: годами длящийся застой в Академическом театре драмы Литовской ССР, о котором, впрочем, только сейчас заговорили, и привычная инертность кинорежиссуры, пользующейся уже однажды найденным, ожидаемым, апробированным.

Иногда ловишь себя на странной мысли, что спектаклю, пожалуй, было бы лишь на пользу, играй Адомайтис не в полную силу. Так, его стремление доискаться корней трагического существования деревенского парня по прозвищу Утенок («Крест Утенка» П. Трейниса), его глубочайшее сочувствие к персонажу лишь больше выявляют эклектизм псевдонародной формы всего спектакля. Нет, Адомайтис отнюдь не самоуверенный «премьер», равнодушный к ансамблевости и позволяющий себе «бенефисные» выходы. Но необыкновенно развитое чувство художественной совестливости, ответственность перед собой и перед зрителем не позволяют ему ни на шаг отступить от собственного уровня художественного анализа и уровня правды.

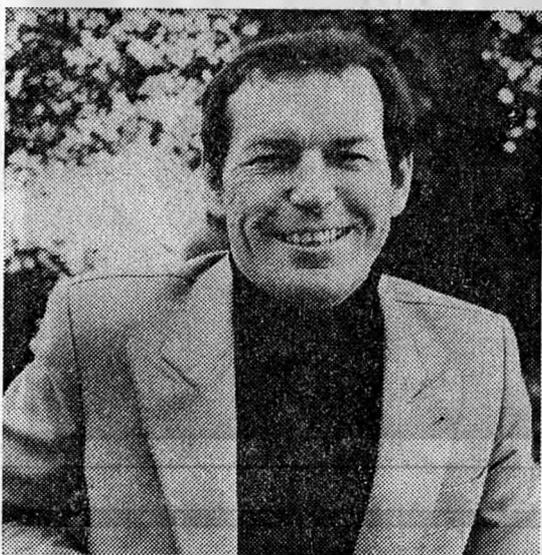
Не по причине ли той же ответственности на упомянутом вечере Адомайтис не подхватывал игривый тон некоторых вопросов, которые ему задавали после выступления, даже на самые несурзные отвечал серьезно и уважительно? К слову сказать, Адомайтис чрезвычайно редко участвует в распространенных сегодня творческих вечерах. И не от высокомерия, ибо в литовской театральной среде, видимо, трудно найти большего, чем он, демократа, а от все реже встречаемого чувства достоинства профессии, понимания того, что непосредственно обращаться к публике стоит только тогда, когда это назрело, ищет выход.

Впрочем, Адомайтис любит искать для себя и находить и другой выход внутренней энергии — бытовой. Он уверенно себя чувствует за верстаком в подвале дома, где живет (вспомним, ведь та уверенность, с какой стругал доски герой фильма «Чувства» А. Даусы и А. Грикявичюса, намекала, что ремеслу актер обучался наверняка не специально и съемкам!). Он любит копаться в старом деревянном доме родных в деревне под Молетай. У него три сына, конечно же, не убавляющие хлопот, но к этому Адомайтис тоже относится спокойно, с выдержкой, как к естественному ходу вещей. Вообще он на редкость крепко

стоит на земле, и эту его житейскую обстоятельность, которая обязательно отзывается достоверностью на сцене и на экране, давно уже облюбовали различные режиссеры.

Действительно, если вспомнить последние киноработы Р. Адомайтиса, то найдешь в меру достоверным, скажем, его старого русского корабеля в «Матвеевой радости», поверишь, что это человек, знающий запах свежесобранного дерева. В меру, ибо сама полуоперная трактовка истории с этими залушающими диалог вездесущими мужскими хорами не позволяет актеру до конца преодолеть буколическую условность, заданность персонажа.

Адомайтис не избежал и участи (хотя и противился ей) прибалтийских актеров играть всяких там «знаковых» иностранцев. Очевидно, поэтому, яростно перечеркивая образовавшийся было штамп, он в последнее время, когда роль позволяет, с таким отчаянием хватается за яркую внешнюю характерность. Его Шалимов в горьковских «Дачниках» ходит босиком, в каком-то немислимом парике, старый, куда старше самого актера, и, главное, стареющий как-то недостойно, кокетливо. Эпизодический клошар из нового телефильма А. Жебрюнаса «Игра хамелеона» (по пьесе Ж.-П. Сартра «Только правда»), небритый, беззубый, в лохмотьях, сыгран просто с упоением — кажется, в этой работе актер как бы освобождается от проклятия вечной «галант-

ности». (Тот факт, что в двух последних фильмах свой обычный облик столь же резко меняет другой популярный литовский актер — Ю. Будрайтис, лишний раз доказывает, что это проблема общая).

Дерзкой попыткой прорыва — на сей раз не в эксперимент, а в ту сферу высокой философской литературы, к которой Адомайтис уже давно тянется и которая должна бы принадлежать ему по праву, — следует назвать работу над ролью Калигулы в пьесе А. Камю.

Несколько лет назад, создавая в основном романтически приподнятые образы, Адомайтис как-то неожиданно для всех заявил в одном интервью о своем желании сыграть Калигулу. Шли годы, но актер не отступался от идеи, пока в 1983 году не встретил единомышленника — каунасского режиссера Й. Вайткуса.

Трагическое балансирование мятежника Калигулы меж высоким и низким, его отчаянный бунт против судьбы — все это в исполнении Р. Адомайтиса приближалось к вершинам современного интеллектуального и одновременно экспрессивного актерского искусства. Но... широкая публика практически не увидела это свершение, ибо после нескольких спектаклей режиссер (отчасти из-за давления административных работников, отчасти, видимо, из-за собственной неуверенности) перестроил всю концепцию постановки и поменял главного исполнителя... Драматизм актерской зависимости тут проявился с особой остротой — пусть сам Адомайтис вспоминает о случившемся, как всегда, тактично и сдержанно, выискивая даже положительные стороны: работать-де в Каунасе было очень интересно, и это не прошло даром.

Сегодня же Адомайтис на сцене Академического театра драмы готовит главную роль в спектакле «Скиргайла» по пьесе классика литовской литературы В. Креве. Можно надеяться на то, что Адомайтис еще не раз удивит нас, ибо это натура неравнодушная, это художник, прекрасно отдающий себе отчет в том, что ни высокие звания, ни вроде бы устойчивая популярность сами по себе не в состоянии обеспечить творческой удовлетворенности. Ее дает только работа.

Урок правды, преподнесенный Адомайтисом, некогда пришлось испытать на себе и автору этих строк. Речь шла о кисло-сладкой рецензии на один спектакль, по поводу которой Адомайтис высказался: такая полуправда лишь оказывает дурную услугу театру. Что же, о том, насколько мной был усвоен этот нравственный урок, пусть сам маэстро судит по мере честности этих заметок.

Саулюс МАЧАЙТИС.

● Народный артист СССР Р. Адомайтис.

Фото Р. Кулинаускаса.